

Каждый преследует свои цели.

В комнате стояла напряжённая тишина. Через несколько минут Дуань Байюэ недовольно процедил:

— Вон отсюда.

«Вон отсюда?!» — ошарашенно подумал Дуань Яо, всё ещё не в силах прийти в себя после услышанного.

Возможно, из-за слишком пристального взгляда напротив, Дуань Байюэ почувствовал себя неуютно, он развернулся — и направился к выходу.

Но младший резко схватил его за одежду и изо всех сил удержал на месте. У Дуань Байюэ на лбу вздулись вены.

— Кто это? Ну скажи, — не отставал Дуань Яо.

Старший только сильнее нахмурился, не понимая, как допустил такую оплошность.

— А я всё думал, почему ты так интересуешься делами в императорском дворце, — задумчиво произнёс Дуань Яо. Раньше он полагал, что брат сам хочет стать императором, но теперь понял, что, похоже, была и другая причина. Подумав ещё, он добавил: — Но, зная твой характер, кем бы ни оказался этот человек — во дворце или на священной горе Пэнлай*, — неважно, ты всё равно нашёл бы способ быть вместе. Так почему на этот раз ты колеблешься?

*彭萊山 (Pénglái xiānshān) — гора Пэнлай, легендарное место в китайской мифологии, обитель бессмертных и символ недостижимого идеала.

Дуань Байюэ не нашёлся, что ответить. В конце концов, он и так не собирался ничего объяснять, даже если бы и знал.

— Неужели ты влюбился... в императрицу?! — ахнул Дуань Яо. — Хотя, постой... в Великой Чу, кажется, нет императрицы.

Кулаки старшего сжались. Младший инстинктивно отступил на шаг:

— Всё-всё, молчу, не буду больше спрашивать.

Дуань Байюэ недовольно хмыкнул и вышел.

«Так вот почему он так расстроился, когда узнал, что император Чу покинул дворец, — наконец осознал Дуань Яо. — Наверняка та самая тоже уехала вместе с ним. Он проделал такой долгий путь, но даже не смог её увидеть. Это действительно печально».

Через несколько дней даже Дуань Нянь пришёл в замешательство: «Что произошло между братьями? Почему они не сидят даже за одним столом? Вроде бы не ссорились же ...»

□□□

В апреле Цзяннань заливают дожди. Конечно, в такое время приятно наблюдать, как пробуждается природа, но мокрая глина и грязь после ливня раздражают.

В это время в глубине горного леса под густыми кронами дерева сидел молодой мужчина. Подперев ладонями лицо и скучающе зевая, он дожидался окончания дождя, чтобы продолжить сбор трав. Его лицо было бледным, а черты — изящными, что с первого взгляда наводило на мысль о его образованности и мягком нраве.

— Ой... — сзади раздался стон, который в тишине леса прозвучал немного жутко.

Юноша вздрогнул, оглянулся — и увидел, как из кустов, будто из ниоткуда, появился старик в нищенских лохмотьях.

— Ой... ой... — увидев его, старик застонал ещё несчастнее. — Помогите...

«Это призрак или человек?»

Он поднялся, достал из-за пазухи палочку из персикового дерева, вымоченную в собачьей крови*, и осторожно ткнул старика.

— ...

«Не испарился?»

*См. описание в конце главы.

Убрав палку в карман, он подошёл и ощупал руки и ноги старика. Убедившись, что тот не ранен, он оттащил его под своё укрытие от дождя.

— Неужели молодой господин* — лекарь? — обрадованно спросил старик.

*公 (gōng zǐ) — сын чиновника/дворянина, уважительное обращение.

— Да, — коротко ответил Е Цзинь, начав растирать в ступке свежесобранные травы.

Старик тут же протянул руку, но Е Цзинь спокойно намазал пасту... себе на запястье.

— ...

«Это что, не для лечения меня?»

— Это ядовитое растение, я проверяю его свойства, — пояснил Е Цзинь и достал пузырёк с настоящим лекарством. — Вы сюда от голода убежали?

— Да, да, — закивал старик. — Господин такой добрый...

Е Цзинь резко затянул повязку. Старик резко втянул воздух, а его лицо исказилось от боли:

— Только... навыки лечения немного... своеобразные...

— Ты ещё жалуешься?! — возмутился юноша.

От его крика у старика зазвенело в ушах. Он поспешно поправился:

— Нет-нет, господин — сам Хуа То* во плоти!

*华佗 (Huà Tuó) — легендарный китайский врач, символ мастерства в медицине.

Е Цзинь недовольно хмыкнул, достал из-за пазухи лепёшку и протянул ему:

— Перекусите. Когда соберу остальные травы, я отведу вас в городскую богадельню*.

*善堂 (shàn táng) — благотворительное учреждение, приют.

Когда он встал, на его поясе блеснула нефритовая подвеска в форме кленового листа с иероглифом «Цзинь».

«Так это и есть тот самый целитель?» — старик заинтересованно провёл пальцами по подбородку.

На утёсе рос куст алых цветов. Е Цзинь не раз попытался добраться до него, но каждый раз безуспешно. Хотя он владел боевыми искусствами, в том числе — искусством цингуна*, после дождя скалы стали слишком скользкими. Рисковать он не стал. С досадой бросив последний взгляд на яркие лепестки, он поднял корзину на спину и отправился обратно, чтобы помочь старику спуститься с горы.

*轻功 (qīnggōng) — «техника лёгкой поступи» или «искусство лёгкости»; особая техника, позволяющая мастеру двигаться с невероятной лёгкостью и ловкостью.

Город у подножия был довольно большим — здесь находились три или четыре приюта для нуждающихся. В таких местах дети часто оставляли своих больных и пожилых родителей. С тех пор как Е Цзинь приехал сюда за травами, он часто навещал такие места и помогал с лечением. Управляющие очень уважали его за это, поэтому когда он привёл нового старика, того приняли без лишних вопросов. Для него приготовили свежее постельное бельё и тёплый мясной бульон, чтобы он мог быстрее восстановить силы.

Оставив старика, Е Цзинь тут же забыл о своём новом знакомом. Он отряхнул рукава и отправился домой. Он планировал остаться в городе ещё как минимум на три-пять месяцев, пока в горах не зацветёт матоуцао*. Только собрав достаточно трав, он вернётся в долину целителей Цюнхуа.

*马头草 (mǎtóu cǎo) — «трава конской головы» (вымышленное название растения).

哥哥

— Брат*, — в столице Дуань Яо осторожно постучал в дверь.

*哥 (gē) — старший брат; один иероглиф, потому что звучит не так ласково и мягко, что более типично для подростка.

— В чём дело? — раздался низкий голос из-за двери.

— Я не буду больше спрашивать про дворец, — поспешно пообещал Дуань Яо. — Просто две новости. Первая: учитель снова «воскрес».

Дуань Байюэ устало выдохнул и потёр виски от услышанного.

— Но на этот раз он не вернулся домой, так что никто не знает, где он. Тётушка* уже отправила людей на поиски и попросила нас тоже быть начеку.

*婶 (shěn shen) — жена младшего брата отца, тётя.

— Вторая?

— Ты просил меня следить за усадьбой Лю. В последние дни там всю украшают дом, говорят, что Лю Гун собирается праздновать свой день рождения. В кабинете почти постоянно ведутся переговоры, но там слишком много людей, поэтому трудно понять, что он замышляет.

— Неужели он затеял всё это только ради дня рождения?

— Не думаю, — нахмурился Дуань Яо. — Он настоящий старый лис: иногда он обсуждает дела прямо в театре, где вокруг много народу, а музыка заглушает их слова.

— Если бы у него не было пары козырей в рукаве*, как бы он посмел посягать на престол? — усмехнулся Дуань Байюэ. — Значит всё-таки ничего не удалось узнать, да?

*面面 (méi liǎng bǎ shuāzi) — досл. «не иметь двух кистей для письма» (идиома о некомпетентности).

— ...Что ты опять задумал? — насторожился младший.

— Есть в городе заведение — Жаньюэлоу («Башня Лунного Отблеска»), — сказал Дуань Байюэ, оценивающе глядя на брата. — Там часто бывает сын Лю Гуна, Лю Фудэ. Если тебя немного приодеть...

— Ты что, хочешь, чтобы я пошёл обслуживать клиентов?! — вскрикнул Дуань Яо. — Да чтоб наши родители из могилы встали и тебя в ней закопали!

— Заведение-то благородное, какое же там «обслуживание»? — покачал головой Дуань Байюэ, оставаясь абсолютно глух к возмущениям младшего брата. — Максимум, что от тебя потребуется, — спеть пару песен. Ты же ещё и денег заработаешь, если постарайся. Как ни посмотри, а сплошная выгода для тебя.

В этот момент мальчишка осознал, что больше всего на свете сейчас хотел бы засунуть голову старшего брата в кувшин с ядовитыми тварями — тогда бы всем его печалям и горестям пришёл бы конец.

— Тогда решено!

— ...

— Ещё вопросы есть? — спросил Дуань Байюэ.

— Есть, — Дуань Яо понял, что спорить бесполезно, и заранее смирился со своей участью. Он подошёл ближе и опёрся о стол. — Даже если семья Лю и затевает что-то, это касается только императора Чу и не имеет никакого отношения к нам. Зачем ты вмешиваешься?

— Потому что я люблю совать нос в чужие дела, — спокойно ответил Дуань Байюэ. Младший почувствовал тяжесть в груди от такого ответа. — Когда всё закончится, — добавил старший, заманивая, — ты получишь награду.

— Какую ещё награду?

— Я научу тебя «Сутре Просветлённого Сердца»*, — он потрепал его по голове.

*菩提心經 (Pútí Xīnjīng) — 菩提 (Pútí) — санскр. «Бодхи» (просветление в буддизме); 經 (Xīnjīng) — «Сутра сердца» (сокращённое название «Праджняпарамита-хридая-сутры»).

Подросток с негодованием воскликнул, отпихивая чужую руку:

— Я так и знал, что учитель тайком передал её тебе!

«Нельзя быть таким несправедливым! Ведь это я каждый раз, когда учитель «восстаёт из мёртвых», подсыпаю землю на его могилу*!»

*См. описание в конце главы.

□□□

— «Сутра Просветлённого Сердца»? — переспросил Е Цзинь, в это время развешивая травы для сушки. — Нет, не интересуется.

— Сейчас молодой господин отказывается, но, боюсь, потом пожалеет, — продолжал увещевать старик.

Он представился как Бай Лайцай*, утверждая, что его занесло сюда с юго-запада. После того как оправился в приюте, он стал частым гостем во дворе Е Цзиня, уверяя, будто обладает редчайшим боевым трактатом — таким, что все за ним охотятся.

*白來才 (Bái Láicái) — досл. 白 (bái) - "белый", "даром", "напрасно"; 來才 (láicái) - "приходящее богатство", "прибыль".

— Меня не интересуют махания мечом, — спокойно ответил Е Цзинь, усаживаясь пить чай.

— А как же мужчина сможет защитить свою возлюбленную, если не владеет мечом? — наставлял старик, почти с отеческой заботой.

Е Цзинь и представить не мог, что спас... навязчивого прилипалу. Будь это кто-то другой, он бы давно схватил метлу и выставил нежеланного гостя за ворота. Но перед ним стоял дряхлый, больной старик лет семидесяти-восемидесяти — поднять на него руку было бы уж совсем похамски. Пришлось стиснуть зубы и молча терпеть, хотя внутри всё кипело от раздражения.

Видя его упрямое молчание, Бай Лайцай тяжело вздохнул, бережно прижал к груди потрёпанную книгу и вдруг... расплакался. Слезы катились по его морщинистым щекам, словно он действительно страдал от горя.

— Ладно-ладно... — не выдержал Е Цзинь, не в силах смотреть на это представление. — Изучу, благодарю вас.

Старик тотчас просиял, как будто только этого и ждал. Он с торжественным видом вручил Е Цзиню «Сутру сердца», прихватил с тарелки чужую сладость и, довольный, зашаркал обратно в приют.

Книга в руках оказалась засаленной, с обтрепанными краями и лёгким кислым запахом. Е Цзинь едва сдержал гримасу отвращения. Он аккуратно оторвал кусочек рецептурной бумаги, чтобы не касаться обложки, раскрыл первый лист и пробежал взглядом вступление.

«Эта сутра позволяет практикующему значительно увеличить внутреннюю энергию, однако имеет один недостаток...»

С громким хлопком он захлопнул книгу с сильным желанием больше никогда её даже не касаться.

«Какая-то ерунда! Тренируешь внутреннюю энергию, чтобы стать сильнее, а в итоге можешь лишиться... мужской силы*. Интересно, просто чтение уже оказывает влияние? Надо бы заодно собрать с юга листья сюцзые*, чтобы смыть эту неудачу».

* Эректильная дисфункция, или импотенция.

* 稀子 (xìzǐ yè) — растения с таким названием не существует.

□□□

Смеркалось, и по берегам канала зажглись редкие огоньки. Чу Юань, кутаясь в плащ, сидел на палубе, задумчиво глядя вдаль.

— Ваше Величество, — к нему подошёл Шэнь Цяньфань, — только что пришло секретное

донесение из дворца: князь Синаня сейчас в столице, остановился в лавке тканей.

Чу Юань кивнул, не выказывая ни малейшего удивления.

— Неужели мы просто оставим это без внимания? — с сомнением спросил генерал.

— Разве это и есть «без внимания»? — усмехнулся император. — Если бы я действительно хотел его игнорировать, разве позволил бы его людям свободно ходить по дворцу?

— Но в деле замешана усадьба Лю. Всё слишком серьёзно, — Шэнь Цяньфань понизил голос. — Малейший недочёт — и мы рискуем раскрыть свои намерения, спугнув противника.

«Столько лет кропотливой подготовки — всё ради того, чтобы в один день вырвать сорняк с корнем. И теперь доверить такое дело... князю Юго-Запада?!»

— Я знаю, что делаю. Генералу не стоит беспокоиться, — Чу Юань похлопал его по плечу. — Если он совершит ошибку, наши люди всегда успеют вмешаться. Всё под контролем.

*狗血桃木棍 (gǒu xiě pào guò de táo mù gùn) - «персиковая палка, вымоченная в собачьей крови» имеет исторические и культурные отсылки, связанные с китайскими верованиями и традициями.

1. Персиковое дерево (桃木, táo mù):

В китайской культуре персиковое дерево считается священным и обладает магическими свойствами. Оно часто ассоциируется с защитой от злых духов.

Из персикового дерева изготавливали амулеты, мечи и другие предметы, которые использовались в ритуалах для изгнания нечистой силы.

2. Собачья кровь (狗血, gǒu xiě):

Собачья кровь в китайских поверьях считается сильным средством против злых духов и демонов.

Её использовали в ритуалах для очищения и защиты.

Например, в древности кровью животных (включая собачью) окропляли места или предметы, чтобы изгнать нечисть.

«Нельзя быть таким несправедливым! Ведь это я каждый раз, когда учитель «восстаёт из мёртвых», подсыпаю землю на его могилу*!»

*偏袒 (Bùnéng zhème piānxīn a) — «нельзя быть таким несправедливым!», где 偏 (piānxīn) – буквально «склонять сердце в одну сторону», то есть проявлять несправедливость или предвзятость.

*给尼坟田土的坟人磕头 (Gěi nǐ fén tián tǔ de rén kē dǒu shì wǒ) — «ведь это я подсыпаю землю на твою могилу!», где 填土 (tián tǔ) – «подсыпать землю». В китайской культуре подсыпание земли на могилу – это знак уважения к умершему и заботы о его месте упокоения.

<http://bllate.org/book/14135/1244317>